

Почему Мадагаскар?

1957 год. СССР. Для нашей страны этот год – поистине знаковый. В Москве – VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Такого столица еще не видела – 34 тысячи человек из 131 страны мира.

Это был глоток свободы. Впервые приоткрыт “железный занавес”. Москва буквально гудела. Улыбки, залпы смеха, радость совместного общения. Молодежь пела песни, слушала джаз, читала стихи, еще недавно запретные, дискутировала обо всем, что волновало юные умы.

Фестиваль стал событием и в моей жизни, и профессиональной, и личной.

Я окончила тогда четвертый курс французского отделения МГПИ. Нас, трех неразлучных подруг, *trois déesses*, как называла нас преподавательница французского языка Наталья Михайловна Покровская (дочь известного историка) “командировали” переводчицами на фестиваль.

Случайно (а может, так и было предназначено судьбой?) мне досталась делегация Мадагаскара.

Что я знала тогда о Мадагаскаре? Лишь слова песни:

*Осторожней, друг,
Ведь никто из нас здесь не был,
В таинственной стране Мадагаскар.*

Эта песня в пятидесятых годах пользовалась необыкновенной популярностью. Ее пели студенты, школьники по всей России. Туристы у костра. В молодежных лагерях. Пела улица. Лишь много лет спустя я узнала, что сочинил ее Юрий Визбор, тоже студент МГПИ.

В “моей” делегации было 30 студентов-малагасийцев из Франции и один – прямо с Мадагаскара. Веселые, жизнерадостные, доброжелательные.

Хорошо помню – как только мы сели в автобус, они начинали петь. Чаще всего –

*Diavolana fenomanana takariva
Tsy mba sosotra fa mirana lava¹.*

Когда мы поближе познакомились, они стали петь “частушки”, которые обычно кончались словами: “O, Raloda!” (“Ох, Люда!”), – и раздавался веселый хохот. Я, по правде, несколько смущалась – что́ они там про меня сочиняли?

Делегация Мадагаскара на фестивале

Мы подружились. Среди них было много ставших потом известными на Мадагаскаре.

Бау и Ришар. Ходили всегда взявшись за руки. Малагасийцы, конечно, тут же доложили мне (по секрету): они давно любят друг друга, но по каким-то причинам не могут пожениться. Ришар Андриамандзату стал впоследствии крупным

¹ Наступает вечер, полная луна / нам несет веселье, прочь тоска.

политическим деятелем. У меня сложились очень теплые отношения с этой семьей. Часто встречались, и в Москве, и в Антананариву.

Художник Рафра – его картина до сих пор висит у меня в комнате.

Филипп – слал мне потом грамматики и словари малагасийского языка.

Нгюля. Мы с ней так подружились, что она билась в истерике, уезжая. Мы переписывались... А года через два мне сообщили, что она покончила с собой. Причину мне так и не удалось выяснить, ни тогда, ни много лет спустя на Мадагаскаре, когда расспрашивала ее родственников (малагасийцы в некоторых вопросах очень замкнуты).

Весь день был забит мероприятиями. Дискуссии, встречи, выступления, театры, концерты... Малагасийцы и сами давали концерты, и их представления неизменно вызывали восторг зрителей – малагасийские песни очень мелодичные.

Так же, как их язык. Однажды корреспондент, записывая интервью с Бау, сказал мне: – Послушайте какой музыкальный язык! Льет, как песня!

Незаметно пролетели две с половиной недели.

Когда они уехали, мне захотелось узнать: а где у нас изучают этот язык. Выяснилось – нигде. Кто его знает? – Никто не знает.

Прошел год. Я окончила институт.

Еду в метро по какой-то линии, где обычно не бываю, и вдруг в вагон входит молодой человек... Я сразу его узнала – он тоже работал на фестивале. Случайно? Может быть...

Наши делегации жили в четвертом корпусе гостиницы “Ярославская”, где размещалось большинство делегаций из Африки. Мы здоровались, улыбались при встрече, но я не знала даже, как его зовут. Правда, однажды после какого-то мероприятия я не смогла найти свой автобус и, чтобы добраться до гостиницы, вскочила в первый попавшийся. Случайно (?) там был он. Мы поговорили. Я, по необразованности, спросила: почему делегация из Африки, а в ней – одни белые. Он снисхо-

дительно поинтересовался, где я учусь, и, узнав, что в педагогическом, понимающе улыбнулся... и прочел мне небольшую лекцию о Южной Африке...

И вот через год – встреча.

– Куда вас распределяют?

– Хочешь – в Казахстан, хочешь – в Узбекистан...

– А не хотите пойти к нам?

И объяснил: создается отдел Африки в Институте востоковедения, и они набирают сотрудников.

Так я оказалась в отделе Африки и смогла заняться малагасийским языком.

Язык трудный. Выписываю все слова – смысла не понимаю. Много лет спустя, прочитала у кого-то (кажется, у Пьера Буато): в малагасийском сколько написано, столько еще и подразумевается. Руки опускались...

Но однажды – я в очередной раз мучилась над каким-то текстом – в отдел зашел Дмитрий Алексеевич Ольдерогге, заглянул в мои бумажки и сказал:

– Если будете чувствовать себя полной дурой – не бросайте!

Ну, если и патриархам знакомы такие проблемы, подумала я... и не бросила.

Шаг за шагом... Кое-как освоила теоретически. Поступила в аспирантуру Института Африки. Окончила. А тут – новый директор, новые веяния – филологи не нужны... С горя уехала отдыхать на юг...

Вдруг телеграмма: срочно возвращайся в Москву, вызывают в Радиокomiteт.

Приезжаю. Решили открыть вещание на малагасийском языке.

Посадили к микрофону – читай! А я в жизни не говорила в микрофон. Трясусь, заикаюсь, но что-то говорю...

Снова пришлось “пахать целину”: учить практический язык. А надо ведь было еще и переводить! По ночам просыпалась в холодном поту – понимают или нет? Лишь через полгода пришло первое письмо: «Спасибо, что вещаете на нашем языке». Отлегло! Теперь уже спокойно стала совершенствовать язык.

А вскоре даже удостоилась похвалы. «Самый же большой сюрприз ожидал меня, когда я выразил пожелание вручать верительные грамоты на мальгашском языке¹. Я полагал, что переводчицей будет мальгашка, голос которой был мне знаком по передачам Московского радио на мальгашском языке. Каково же было мое удивление, когда этот “голос Московского радио” оказался русской молодой женщиной, которую мы все теперь хорошо знаем, – нашим другом Людмилой Карташовой», – сказал в своем выступлении на заседании Малагасийской Национальной Академии Альбер Ракуту-Рацимаманга, первый посол Мадагаскара в нашей стране².

В 1974 году стало организовываться наше посольство на Мадагаскаре. Поскольку в Москве я была одна-единственная со знанием малагасийского языка, посол Александр Иванович Алексеев (1913–1998) хотел взять меня в штат.

Бог ты мой! Увидеть Мадагаскар своими глазами и, главное – услышать, как они говорят! Но когда я заикнулась об этом на Радио, начальство запротестовало. Еще бы! Вдруг наш генсек скажет какое мудрое слово, а малагасийцы не услышат его в тот же час! (хотя к тому времени у нас уже был штатный диктор-малагасиец).

Я обиделась и ушла. До того меня много раз приглашали в Институт стран Азии и Африки МГУ, но я считала неэтичным бросить радио.

Нет, как говорится, худа без добра!

И... опять *tabula rasa*! Опять все на пустом месте – ни учебников, ни словарей. Каждый день надо что-то давать студентам: грамматику, упражнения, тексты, домашние задания... А еще многочасовые теоретические курсы: теоретическая

¹ Раньше употребляли слово “malgache”, но в 1970-х годах решили, что это звучит уничижительно – как “mal gache” (т. е. “плохой мальгаш”), и переименовали в “malagasy”; соответственно в русском вместо “мальгашский” стали употреблять “малагасийский”, вместо “мальгаш” – “малагасиец”.

² Ракуту-Рацимаманга А. Мои посольства / Пер. с франц. С.Сидоровой // В таинственной стране Мадагаскар. Год 2007. – М.: Экон-Информ, 2009. – С. 37.

грамматика, введение в малагасийскую филологию, лексикология, история языка, теория и практика перевода... А я одна за всё про всё.

Занятия каждый божий день! Ни заболеть, ни, упаси боже, поехать куда-нибудь. И так – пять лет! Сейчас не могу даже себе представить, как мне все это удалось.

Но, по никем пока еще не объясненному закону природы, на смену трудностям порой приходят неожиданные радости, а иногда – и исполнение заветной мечты.

Со студентами первой группы

После четвертого курса мы со студентами (Иван Иванов, Павел Мыльцев, Александр Ткачев, Александр Федоров) поехали на стажировку в Университет Мадагаскара (ныне – Университет Антананариву). На целый год! В те времена это было редким, невероятным событием. Думаю, удалось это благодаря энтузиазму Анны Ивановны Агаянц, первого секретаря Африканского отдела МИД, человека искренне влюбленного в свое дело и в Мадагаскар.

По возвращении, в 1980-м, у меня вышел конфликт с тогдашним директором ИСАА (он не захотел заключать соглашение между Университетом Мадагаскара и МГУ). Он решил меня уволить, и устроил “проверку”. Проверяющие были

с японской кафедры. Посмотрели они на мои “средства обучения” (учебник, учебный русско-малагасийский словарь, разговорники, пленки с текстами, программы по всем практическим и теоретическим курсам...) и поразились – ведь у них, как и на большинстве языковых кафедр ИСАА, преподавателей было несколько, по одному на каждый предмет, каждый курс...

Выпустила еще две группы студентов. Многие из них работали потом на Мадагаскаре: Александр Ткачев и Александр Федоров – в Российском культурном центре в Антананариву, Артем Козвонин – в посольстве РФ, Борис Иванов – в АПН, Павел Мыльцев – в ИТАР ТАСС.

Студенты второй группы

Студенты третьей группы

В 1994 году уехала с мужем за границу. Преподавала русский язык в Кейптаунском университете. Вернулась только в 1998-м. К тому времени интерес к Африке в России как-то угас. Вещание на африканских языках практически прекратилось. В ИСАА тоже не было желания возобновлять преподавание малагасийского языка...

Но... «те, кто пил воду Мадагаскара», сохраняют любовь к нему... И мы создали “Клуб друзей Мадагаскара”. С тех пор собираемся, проводим вечера, организуем конференции, выставки...

В этом году отметили десятилетие Клуба.

А там – что Бог даст!